

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10009

«ТАЙВАНЬСКАЯ НАЦИЯ»: ОТ МИФА К РЕАЛЬНОСТИ?

Андрей Дмитриевич Дикарев

*Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России,
Москва, Россия*

Александр Владимирович Лукин

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 15 сентября 2018 <i>Принята к печати:</i> 5 октября 2020</p>	<p>Аннотация: В статье рассмотрены теоретические и практические аспекты становления и развития национальной идентичности жителей Тайваня. Разбирается проблема соотношения «государственного мифа» и реальной политической практики на Тайване, освещен его уникальный исторический опыт в этом отношении. Анализ проведен с привлечением исторических данных об аналогичных процессах, связанных с образованием национальных государств в мире. Освещены эволюция взглядов различных политических сил в отношении статуса Тайваня в современном мире и возникновение национализма на острове. Рассматривается проблема соотношения этнических и политических факторов при самоидентификации жителей Тайваня. Приведены и проанализированы новейшие данные социологических опросов на острове, посвященных выявлению динамики самоидентификации тайваньцев, их партийных предпочтений и взглядов на состояние отношений острова с континентальным Китаем. Сделана попытка определить, какова корреляция между тайваньской идентификацией, желанием значительной части населения сохранить статус-кво в отношениях с КНР и поддержкой политической независимости Тайваня. На протяжении последних десятилетий отмечается практически неуклонный рост доли тех, кто идентифицирует себя как в качестве «тайваньцев». При этом укрепляется представление о том, что Тайвань является фактически независимым государством. Выделены внутренние и внешние факторы, влияющие на динамику идентичности и отношение тайваньцев к проблеме статуса Тайваня в последние два года.</p> <p><i>Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 20-514-07003 «Проблемы развития российско-южноосетинских отношений и интеграционных инициатив в условиях экономических и дипломатических ограничений»</i></p>
<p>Об авторах: <i>Дикарев А.Д., к.и.н., ведущий научный сотрудник, Центр исследований Восточной Азии и ШОС, МГИМО МИД России</i> e-mail: andreydikarev@yahoo.com <i>Лукин А.В., д.и.н. руководитель Департамента международных отношений НИУ ВШЭ; директор, Центр исследований Восточной Азии и ШОС, МГИМО МИД России</i> e-mail: avlukin@hse.ru</p>	
<p>Ключевые слова: политический статус Тайваня; национальное государство; КНР; тайваньская идентичность; самоидентификация; социологические опросы; сепаратизм и национализм; статус-кво; пандемия коронавируса</p>	

Словом «Тайвань» обозначаются различные понятия. В географическом смысле – это остров в Тихом океане. В политическом контексте этим термином могут обозначать провинцию КНР, провинцию Китайской Республики или некое политическое образование, которое, с точки зрения одних, представляет собой часть КНР,

а с точки зрения других – либо совпадает с государством, называемым «Китайская Республика», либо является его частью, либо вообще представляет собой отдельное государство. В большинстве случаев то, что конкретно подразумевается под «Тайванем», зависит от политической позиции говорящего. Далеко не все из тех, кто считают

Тайвань государственным образованием, смогут четко ответить на вопросы о его точном названии, границах и отношении к КНР. Но многие тайваньские политики часто специально трактуют эти непростые проблемы уклончиво, чтобы не спровоцировать острой реакции Пекина или не потерять поддержки какой-либо части собственного населения.

Цель данной статьи – не определение объективного статуса Тайваня в международной системе, но анализ процессов, происходящих в массовом сознании тайванцев, а также взглядов тайваньской элиты как примера создания и утверждения сепаратистской идеологии, которая может служить теоретическим обоснованием существования нового государственного образования. Создание подобного теоретического обоснования обычно предшествует возникновению независимых государств, этот процесс можно назвать складыванием государственного мифа. При этом создание такого мифа не всегда совпадает с политическим процессом становления собственно государства. Он может долгое время существовать в зрелом виде, но государство еще не появляется, так как политические условия для этого не созрели. Например, украинский государственный миф сложился еще до создания независимого украинского государства. Но в некоторых случаях политика обгоняет мифотворчество: например, государственные мифы в странах Центральной Азии стали складываться после создания самих государств, так как неожиданный распад СССР обогнал здесь идеологические процессы созревания национализма.

Само понятие национального государства исторически довольно новое. Считается, что международная система, основанная на суверенных государствах, возникла после Вестфальского мира (1648). Однако «суверенные» тогда не означало «национальные». Суверенные государства в качестве новой основы международной системы в то время противопоставлялись надгосударственным образованиям, основанным на общности династии или религии. Провозглашались верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти на территории государства, независимость

в международном общении, обеспечение целостности и неприкосновенности территории, то есть принцип государственного суверенитета не еще был связан с этничностью. Внутри государства сувереном чаще всего продолжал оставаться монарх.

На следующем этапе в результате Великой французской революции сувереном стала провозглашаться нация, противопоставлявшаяся монарху. Однако нация понималась не этнически, а как совокупность всех лиц, проживающих на территории суверенного государства. Именно эта совокупность под названием «нации» была провозглашена сувереном, источником власти, вместо суверена-монарха. Таким образом, мир стал рассматриваться как система суверенных государств, власть в которых принадлежит их жителям, гражданам или подданным, однако они все еще не обязательно должны были принадлежать к конкретному этносу.

Лишь в XIX веке, в связи с ростом национализма, возникла идея, что каждый этнос имеет право на свое государство. Она выразилась в теории «права нации на самоопределение», ставшей одним из принципов международного права. Ее истоки – в национальных движениях XIX века: греческой войне за независимость 1821-1829 гг. и более поздним восстаниям различных народов за отделение от Османской империи, венгерской революции 1848 г., польских восстаниях за отделение от России, движения за объединение Германии и Италии и т.д. Во всех этих случаях лозунги борьбы с религиозным угнетением использовались параллельно с лозунгами борьбы с гнетом национальным, причем национальный фактор выходил на первое место: выдвигалась идея о праве нации (этноса) образовать собственное государство.

Классический исследователь национализма Э. Кедури писал: «Национализм – доктрина, изобретенная в Европе в начале XIX века. Она претендует на то, чтобы дать критерий для определения единицы населения, которому подобает иметь правительство исключительно для себя, для легитимного осуществления власти в стране и правильной организации сообщества государств».

Согласно Кедури, эта доктрина провозглашает, что «человечество естественным образом разделено на нации, что нации имеют некоторые характеристики, которые можно установить, и что единственным легитимным типом управления является национальное самоуправление...¹. При этом, несмотря на то что в современном мире эта доктрина победила и считается самоочевидной, до конца XVIII века само понятие нации не заключало в себе того этнического значения, которое оно имеет сегодня. Это, кстати, подтверждается тем, что в языках, в которых слово «нация» вошло в обиход ранее распространения идеи национализма, например, в английском и французском, оно не имеет этнической коннотации. А в более «восточных» языках, например, в русском или китайском, национальность означает этничность. “Nationality” на английском означает гражданство, а «национальность» на русском или «民族» на китайском – этническую принадлежность. Поэтому «United Nations Organization» на русский язык правильно было бы переводить «Организация Объединенных Государств», на китайский язык она так и переводится – 联合国.

Существует несколько способов осуществления идеала национального государства. Во-первых, уже существующее государство может быть объявлено этническим, несмотря на свою полиэтничность. Например, Испания объявляется государством испанской нации (как, например, в период правления Ф. Франко), Турция – турецкой (как у младотурок), Россия – государством, где русский народ играет некую «государствообразующую» роль (хотя в Российской империи, например, вообще не было юридического понятия национальности). Во-вторых, национальное государство создается на основе ранее возникшего государственного мифа путем объединения отдельных существовавших частей – средневековых княжеств, частей других государств, населенных этнически близкими группами и т.п. Так были созданы современные Германия и Италия. Иногда объединению может

способствовать территориальное деление, учрежденное бывшей метрополией (Индия, Индонезия). В-третьих, новое национальное государство может возникнуть в результате успеха сепаратистского движения или распада крупного многонационального образования. Так в результате распада Австро-Венгрии возникли Австрия, Венгрия и Чехословакия, затем в свою очередь распавшаяся на Чехию и Словакию, Ирландия отделилась от Великобритании, Польша и Финляндия – от распавшейся Российской империи, постсоветские государства появились в результате распада СССР.

Возникновение Тайваня как особого политического образования соответствует несколько иной модели: разделению национального государства в результате гражданской войны или оккупации. В этом случае отделение не связано с национальным движением или мифом. Превратности международной политики разделяют страну сначала, а мифология начинает складываться потом, в уже отделившемся новом политическом образовании. Обычно ее разрабатывают силы, которым выгодно сохранять и консервировать отделение, для чего они начинают формировать национально-государственный миф. Однако далеко не всегда эти попытки имеют успех у населения. Например, две Германии, Восточная и Западная, отдельно существовали около 40 лет и с точки зрения международного права имели все признаки легитимных независимых государств. Но, несмотря на попытки лидеров ГДР убедить народ в существовании некоей «социалистической немецкой нации», успеха это проект не имел, и при первой политической возможности две части Германии объединились. Общенациональный миф оказался сильнее. Точно также, несмотря на длительное параллельное существование двух корейских государств, единый национальный миф и мечта об объединении Корейского полуострова настолько сильны, что никаких серьезных попыток создать миф о отдельных корейских нациях ни на Севере, ни на Юге даже не предпринимается. А вот в Австрии, несмотря на существовавшее до Второй мировой войны мощное движение за объединение с Германией, сосуществование

¹ Kedourie, Elie. *Nationalism*, 4th ed. Oxford and Cambridge, Mass.: Basil Blackwell, 1993. Pp. xviii, 154.

с Третьим рейхом вызвало такое разочарование, что сепаратистский государственный миф утвердился.

Чтобы разобраться в ситуации на Тайване, необходимо вкратце осветить его историю и рассмотреть эволюцию позиций различных политических сил в отношении его статуса.

Первоначально остров Тайвань был заселен племенами аборигенов, говоривших на языках австронезийской семьи. Приблизительно с XIII века на соседних Пескадорских островах (Острова Пэнху) начинают селиться китайские рыбаки, однако не многие из них добираются до Тайваня. С XVI века на острове появляется больше рыбаков и торговцев из соседней китайской провинции Фуцзянь, а также китайских и японских пиратов. В XVII веке за контроль над островом боролись испанцы и голландцы, затем власть захватил сторонник терявшей власть на материке династии Мин Чжэн Чэнгун, изгнавший с него голландцев. В 1683 г. войска Цинской династии захватили Тайвань и административно подчинили провинции Фуцзянь. В 1887 г. Тайвань был выделен в отдельную провинцию, называвшуюся Фуцзянь-Тайвань. В 1895 г., после поражения Китая в войне с Японией, Тайвань с Пескадорскими островами по Симонсекскому мирному договору отошел к Японии, причем японский суверенитет признавали все государства, в том числе и Цинская империя.

Во время Второй мировой войны союзники по антигитлеровской коалиции заключили договоренность о передаче Тайваня и Пескадорских островов Китайской Республике (КР) после поражения Японии. Эта договоренность была зафиксирована на Каирской мирной конференции 1943 г. и в Потсдамской декларации, подписанной в июле 1945 лидерами США, Великобритании и КР. Согласившись на безоговорочную капитуляцию, Япония выполнила условия Потсдамской декларации. Японские войска сдались войскам КР как представителям Чан Кайши – главнокомандующего союзными войсками на китайском театре военных действий. Гоминьдановский губернатор Тайваня Чэнь И объявил 25 октября 1945 года Днем Ретроцессии (возвращения) Тайваня.

Однако вопрос о том, признали ли США Тайвань частью КР, долгое время оставался неясным. Например, во время антиправительственных выступлений на Тайване в феврале 1947 г., жестоко подавленных гоминьдановскими войсками (так называемый «Инцидент 228»), генеральное консульство США в Тайбэе призывало свое правительство к интервенции от имени США или ООН на том основании, что Тайвань был лишь передан под административное управление КР, что не означало передачи суверенитета. Юридически же остров оставался частью Японии, оккупированной США. По Сан-Францисскому мирному договору 1951 г. Япония отказалась от всех прав на Тайвань и Пескадорские острова, однако в нем не говорилось о том, кому именно она передавала суверенитет над ними, так как существовала неясность, передавать его КР или КНР. Аналогичные формулировки были зафиксированы в договоре между Японией и КР 1952 г. Еще в 1971 г. Государственный департамент США фактически подтвердил свою позицию относительно неясности статуса Тайваня: «Так как Тайвань и Пескадоры не определены никакими существующими международными договоренностями, суверенитет над этой областью является нерешенным вопросом, который должен быть урегулирован будущим международным решением»².

В подписанном в 1972 году в Шанхае президентом США Р.Никсоном и Премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем совместном заявлении, известном, как «Шанхайское коммюнике», США признали Тайвань частью Китая, но не КНР³. Такая формулировка соответствовала позиции как Пеки-

2 Starr, Robert I. (13 July 1971). Legal Status of Taiwan, US State Department. Mode of access: <https://www.taiwanbasic.com/nstatus/starr.htm> ; “John Tkacik on Taiwan: Taiwan’s Status Remains ‘unsettled’” // *Taipei Times, Sun*, Sep 30, 2007. Mode of access: 20121013235502/<http://www.taipeitimes.com/News/editorials/archives/2007/09/30/2003381074/2>

3 Joint Statement Following Discussions With Leaders of the People’s Republic of China Shanghai, February 27, 1972. Mode of access: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v17/d203>

на, так и Тайбэя, и лишь означала отказ от позиции «двух Китаев», то есть признания КНР и КР двумя разными странами. И лишь из совместного коммюнике об установлении дипломатических отношений между США и КНР от 1 января 1979, в котором США признали правительство КНР единственным законным правительством Китая, можно сделать вывод, что, признавая Тайвань частью Китая, Вашингтон тем самым считает его частью КНР (хотя прямо и там об этом не сказано)⁴. Такой же позиции в настоящее время придерживается большинство государств мира.

Что касается позиций различных китайских сторон и политических сил, то они весьма противоречивы. Наиболее ясна позиция КНР. В Пекине всегда считали, что КНР является государством-правопреемником КР и со дня ее образования 1 октября 1949 года к ней перешел суверенитет над всей бывшей территорией КР, в том числе и над Тайванем. Согласно конституции КНР, «Тайвань является частью священной территории Китайской Народной Республики»⁵. Административно большую часть территории, контролируемой сегодня тайбэйским правительством, КНР считает своей провинцией Тайвань, а некоторые небольшие острова относит к своим провинциям Фуцзянь, Гуандун и Хайнань.

Гоминьдановцы, правившие на Тайване без перерыва с 1945 до 2000 г., считали себя правительством Китайской Республики (КР), которое в 1949 г. вынуждено было переехать на Тайвань в связи с тем, что материковая часть страны была охвачена «коммунистическим мятежом». Естественно, это правительство полагало, что обладает суверенитетом над всей территорией бывшей КР, в том числе и над Тайванем, хотя иногда и признавало, что этот факт не был признан никаким международным соглашением.

⁴ Joint Communique of the United States of America and the People's Republic of China, January 1, 1979. Mode of access: <http://www.taiwandocuments.org/communique02.htm>

⁵ Конституция КНР 1982 г. (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 гг.). Окно в Китай. Mode of access: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution/constitution_ch0

Конституция КР принята в 1946 г., точно не определяет, что именно относится к ее территории. Однако принадлежность к ней Тайваня основывается на том, что правительство КР никогда не признавало Симоносекский договор, хотя и не оспаривало его. Таким образом, с точки зрения Гоминьдана, передача Тайваня КР в 1945 г. была и возвращением суверенитета над ним. Поначалу Гоминьдан строил планы вернуться на материк, однако, когда невозможность этого стала ясна, его представители начали выдвигать иные предложения. В 1991 г. президент Ли Дэньхуэй неофициально предложил не претендовать на материковую территорию, контролируемую правительством КНР. Однако эта позиция не была принята ни судебной системой, ни Национальной Ассамблеей КР, которая затем была распущена. Отвергли ее и в Пекине, так как по мнению правительства КНР изменение границ КР будет означать движение к независимости Тайваня, а в этом случае Пекин грозит установить над ним контроль силой.

1 августа 1992 г. тайваньский Совет по делам материка опубликовал следующую формулировку: «Обе стороны Тайваньского пролива согласны, что существует только один Китай. Однако две стороны пролива придерживаются различных мнений относительно того, что означает “один Китай”. Для Пекина “один Китай” означает “Китайская Народная Республика (КНР)”, а Тайвань после объединения должен стать ее “Специальным административным районом”. Тайбэй, с другой стороны, считает, что “один Китай” означает Китайскую Республику (КР), основанную в 1911 г., суверенитет которой де-юре распространяется на весь Китай. В настоящее время КР обладает юрисдикцией над [островами] Тайвань, Пэнху, Цзиньмэнь и Мацзу. Тайвань является частью Китая и материковый Китай также является частью Китая»⁶. Позднее в том же году на неофициальных переговорах представителей Тайваня и КНР эта формулировка была принята за основу так назы-

⁶ Shirley, A. Kan. China/Taiwan: Evolution of the “One China” Policy – Key Statements from Washington, Beijing, and Taipei. Congressional Research Service 7-5700, October 10, 2014. P. 49.

ваемого «консенсуса 1992 г.», который до настоящего времени признается и КНР как основа для переговоров⁷. Ее смысл в том, что обе стороны согласны с существованием одного Китая, частями которого являются и Тайвань, и материк, но трактуют этот «Китай» по-своему. Конечно, Пекин отвергает тайбэйскую интерпретацию «одного Китая», он лишь соглашается вести переговоры и развивать неофициальные отношения с Тайванем, но только в случае признания Тайбэем принципа «одного Китая».

Гоминьдан, остающийся одной из двух наиболее влиятельных партий Тайваня и после демократизации, изначально разделял подход, зафиксированный в Конституции: КР – это государство, возникшее в Китае в 1911 г., оно унаследовало территорию Цинской империи, но в 1949 году уступило контроль над материковой частью Китая из-за коммунистического мятежа. Территория его – весь Китай, а жители – китайцы, граждане Китайской Республики. Однако после провала попыток вернуться на материк и в связи с ее явной нереалистичностью, эта позиция на практике несколько изменилась. В демократический период тайваньские лидеры, представлявшие Гоминьдан, во время пребывания у власти в целом придерживались консенсуса 1992 г. Правда, здесь случались и отклонения. Например, в конце своего правления в 1999 г. Ли Дэньхуэй выдвинул предложение фактически признать КНР и КР двумя странами и вести между ними переговоры на этой основе, что означало отход от «консенсуса 1992 г.» и сближение с позицией оппозиционных сторонников независимости⁸. Однако эти предложения были решительно отвергнуты Пекином

⁷ Wu, Yu-shan. The Evolution of the KMT's Stance on the One-China Principle: National Identity in Flux. In Gunter Schubert, Jens Damm (eds) *Taiwanese Identity in the Twenty-first Century: Domestic, Regional and Global Perspectives*. London: Routledge, 2011. P. 54; Консенсус 1992 года стал основой для всех переговоров материковой части Китая и Тайваня // CNTV, 07.11.2015. Mode of access: <http://cctv.cntv.cn/2015/11/07/VIDE1446895931827820.shtml>

⁸ Ли Дэньхуэй. Позиция Тайваня. М., МГУ, 2000. С. 53. [Lee, Teng-Hui. *Taiwan's Viewpoint*. Moscow: MGU, 2000.]

икрупнейшими мировыми игроками, в результате чего от них пришлось отказаться и более Гоминьдан их не выдвигал⁹. При президенте Ма Инцзю, находившемся у власти с 2008 по 2016 гг., консенсус 1992 г. строго соблюдался, что дало возможность наладить неформальные связи с КНР по многим направлениям¹⁰. При этом представителями Тайваня «один Китай» иногда интерпретировался как КР, а иногда, чтобы еще меньше раздражать КНР – даже как некий идеальный Китай, который возникнет когда-то в будущем после объединения.

Вторая ведущая партия Тайваня, Демократическая прогрессивная (ДПП) вышла из тайваньского движения за независимость, активисты которого жестоко подавлялись во время диктатуры Гоминьдана, длившейся до конца 80-х годов XX века. Идеология борцов за независимость фактически была локализмом или тайваньским национализмом. Ее активисты еще в период диктатуры создавали миф о том, что коренные жители Тайваня – это не китайцы или не совсем китайцы (ханьцы), на Тайване в результате длительных исторических периодов, когда весь остров или его части находились под властью разных сил: местных племен аборигенов, испанцев, голландцев, китайских пиратов и японцев, в результате смешения всех этих элементов образовалась некая новая нация, отличная от ханьской, со своим языком, культурой и привычками. При этом в качестве особо позитивной часто особо выделяется период японской оккупации, когда тайваньская нация якобы окончательно сложилась¹¹. Политически Тайвань ни-

⁹ Wu, Yu-shan. The Evolution of the KMT's Stance on the One-China Principle: National Identity in Flux. In Gunter Schubert, Jens Damm (eds) *Taiwanese Identity in the Twenty-first Century: Domestic, Regional and Global Perspectives*. London: Routledge, 2011. Pp. 60-61.

¹⁰ Liu, Fu-kuo. Ma Ying-jeou's Rapprochement Policy: Cross-Strait Progress and Domestic Constraint / in Jean-Pierre Cabestan and Jacques deLisle (eds), *Political Changes in Taiwan under Ma Ying-jeou: Partisan Conflict, Policy Choices, External Constraints and Security Challenges*. Abingdon: Routledge, 2014. Pp. 139-155.

¹¹ В соответствии с модными идеями британского историка Б. Андерсона в западной этнологии

когда не принадлежал Китаю, кроме периодов его «оккупации» Цинской империей и Гоминьданом, не являлся он и частью КР, так как до 1945 г. был колонией Японии, что признавала и Цинская империя, а затем формально не был передан под суверенитет КР. Таким образом, он был незаконно оккупирован войсками КР в 1945 г., а к КНР вообще не имеет никакого отношения¹².

Подобных позиций придерживалась ДПП, будучи в оппозиции. Еще в резолюции ее съезда, состоявшегося в 1991 г., говорилось о необходимости проведения референдума о независимости Тайваня. Однако для прихода к власти их пришлось модифицировать по двум причинам. Во-первых, странно бороться за власть в Китайской Республике в соответствии с ее конституцией, легитимность которых не признаешь. Во-вторых, активная политика по осуществлению программы приобретения формальной независимости, например, ее провозглашение или даже изменение границ КР, могла вызвать вторжение войск КНР, что спровоцировало бы войну в регионе с неясным исходом. Ва-

шингтон, не желавший воевать за Тайвань с КНР, но в обычное время предоставлявший ему гарантии безопасности, не позволил бы этого сделать.

В результате, в принятой в 1999 г. «Резолюции относительно будущего Тайваня» была выдвинута идея о том, что Тайвань под именем Китайской Республики уже является независимым государством, референдум о независимости не требуется, а, наоборот, изменение этого независимого статуса потребует референдума¹³. Таким образом, ДПП признала и существование КР, идентифицировав ее с Тайванем, и ее конституцию, но в границах, реально контролируемых правительством в Тайбэе¹⁴. Именно в этом последнем пункте и состоит отличие ее позиции от позиции Гоминьдана.

Смягчение позиции помогло кандидатам от ДПП дважды быть избранными на пост президента КР: Чэнь Шуйбяню, правившему с 2000 по 2008 гг. и Цай Инвэнь, которая находится у власти с 2016 г. до настоящего времени. Тем не менее, даже в смягченном виде, позиция ДПП отвергает идею «одного Китая» и «консенсус 1992», что ведет к серьезному сокращению связей с материком в период ее правления¹⁵. Принципиально эта позиция не изменилась до сегодняшнего дня. Тем не менее, недовольные таким «соглашательством» сепаратисты вышли из ДПП и организовали Партию тайваньской независимости, которая особым влиянием не пользуется.

также распространено представление о «креольском» (смешанном) характере китайского национализма. М.Браун приходит к выводу о том, что с 1987 г. (после отмены чрезвычайного положения) тайваньская идентичность является амальгамой китайского, аборигенного и японского компонентов. Brown, M. *Is Taiwan Chinese? The Impact of Culture? Power and Migration of Changing Identities*. California University, 2004. См. также: Кузнецов А.М. Этнонациональная политика и современные проблемы нациестроительства в Китае. Владивосток, 2010. С. 129. [Kuznetsov, A.M. *Ethno-national policy and modern problems of nation-building in China*. Vladivostok: Izd-vo DVGU. 2010.]

¹² Fleischauer, Stefan. *Taiwan's Independence Movement*. in: Gunter Schubert (ed.), *Routledge Handbook of Contemporary Taiwan*. Abingdon, Oxon & New York, Routledge. 2016; Барышников В.Н. Роль группировки Ляо Вэнь-и в агрессивных планах США на Тайване // *Краткие сообщения ИНАЗ*. 1963. No.56. С. 119-129. [Baryshnikov, V.N. *The role of Liao Wen-yi's Group in the US Aggressive Plans in Taiwan* // *Kratkie soobshcheniia INAZ*, 1963, No. 56, pp. 119-129.]; Shi Ming, *Taiwanren sibai nian shi* [Four hundred years of history of the Taiwanese]. 1962; repr., Taipei: Huacao wenhua, 1998.

¹³ Fleischauer, S. *Taiwan's Independence Movement*, in: Schubert G. (ed.). *Routledge Handbook of Contemporary Taiwan*. Abingdon, Oxon & New York: Routledge, 2016.

¹⁴ Duchâtel, Mathieu. *The DPP's Cross Strait Policy under Tsai Ying-wen and the 2012 Elections in Taiwan*, Project paper, Track Two Dialogue on EU-China-Relations and the Taiwan Question, Wujiang, 23-24 June 2011, P. 4. Mode of access: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/projekt_papiere/Taiwan2ndTrack_Duchatel_2011.pdf

¹⁵ Китай остановил коммуникации с Тайванем из-за «Консенсуса 1992 года» (China Stops Communication Mechanism with Taiwan) // РИА «Новости». 25.06.2016. Mode of access: https://ria.ru/20160625/145150_7696.html

Таким образом, на Тайване фактически отсутствует единая позиция относительно того, что собой представляет государственное образование, руководство которого находится в Тайбэе, каковы его название и границы, кто его жители, к какому этносу принадлежат и на каком языке разговаривают (диалекте китайского или каком-то особом тайваньском). Представители различных политических сил, приходя к власти, интерпретируют эти вопросы по-разному, а их практическая политика сводится к тому, что при власти Гоминьдана упор делается на единство китайской нации, изучение истории, культуры и достижений всего Китая, в то время как при ДПП система образования ориентируется на изучение истории и культуры преимущественно Тайваня, связи с материком сокращаются, и вся государственная идеология строится на восприятии КНР как другой страны, а материковых китайцев – как другой нации. Жители же Тайваня могут выбрать для себя любую интерпретацию, и чаще всего она определяется политическими взглядами

Тайваньская идентичность: некоторые теоретические подходы

Если обратиться к истокам формирования «тайваньской идентичности», то можно сделать вывод, что на начальном, «протестном» этапе своего существования она носила именно «этнический» характер¹⁶. По мнению большинства тайваньских специалистов, «этническая идентичность» не только может передаваться из поколения в поколение, но и образовываться/приобретаться под влиянием внешней среды (в этнологии это называется инструменталистским подходом¹⁷). При этом другие ученые полагают,

что «этническое сознание тайваньцев в процессе сначала японизации, а затем «ханизации» все более ослабевало¹⁸.

Главным фактором формирования современной тайваньской «этнической идентичности» была монополизация власти партией гоминьдан в период 1945-87 гг. и ее попытка политическими методами обеспечить управление группы населения, прибывшей с материка и находящейся в меньшинстве («外省人»), большинством жителей Тайваня, живших там до 1945 г. («本省人»)¹⁹. В начальный период тайваньской самостоятельности, после ликвидации японского колониального господства, Гоминьдан пытался навязать Тайваню китайскую идентичность, чтобы облегчить тем самым авторитарное правление и получить поддержку дискурса воссоединения нации. Но в своей реальной политике Гоминьдан различал жителей материка, прибывших из Китая после Второй мировой войны, и местных тайваньцев, чьи предки иммигрировали на Тайвань ранее.

Поэтому этнический подход к идентичности стал связываться с дискриминационной политикой, разного рода привилегиями для «жителей материка». После 1987 года стало возможным свободное обсуждение этих вопросов и жители Тайваня начали долгие дебаты по поводу своей национальной идентичности, проходившие на фоне дальнейшего вытеснения Китайской Республики с официальной международной арены.

представляет этнос как конструкт, создаваемый искусственно, прежде всего властными элитами.

¹⁶ Каимова А.С. Проблемы интерпретации понятия «тайваньская идентичность» // Вестник МГУ. Серия 13 Востоковедение. 2013. № 2. С. 27-39. [Kaimova, A.S. Problemy interpretatsii ponyatiya «tayvan'skaya identichnost'» (Problems of Interpreting the Notion of "Taiwanese Identity") // *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie*, 2013, No. 2, pp. 27-39.]

¹⁷ Инструменталистскому подходу (этническая идентичность- сознательный выбор индивида) противостоит конструктивизм, который

¹⁸ Москалев А.А. Нация и национализм в Китае: эволюция кит. мысли в подходах к нации и национализму. М.: Памятники ист. мысли, 2005. [Moskalev, A.A. *Natsiya i natsionalizm v Kitaye: evolyutsiya kit. mysli v podkhodakh k natsii i natsionalizmu* (Nation and Nationalism in China: the Evolution of the Chinese Thought in Approaches to Nation and Nationalism). Moscow: Pamiatniki ist. mysli, 2005.]

¹⁹ Каимова А.С. Проблемы интерпретации понятия «тайваньская идентичность» // Вестник МГУ. Серия 13 Востоковедение. 2013. № 2. С. 27-39. [Kaimova, A.S. Problemy interpretatsii ponyatiya «tayvan'skaya identichnost'» (Problems of Interpreting the Notion of "Taiwanese Identity") // *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie*, 2013, No. 2, pp. 27-39.]

Идентичность в основном измеряется и определяется двояко. Во-первых, это самоидентификация: человек может идентифицировать себя как «китайца»²⁰ или принять альтернативную местную идентичность. Во-вторых, идентичность косвенно (но только косвенно!) может проявляться при выяснении отношения индивида к политической системе и статусу своего региона, в случае с Тайванем альтернатива очевидна: надлежит предварительно выяснить, что именно опрошенный считает предпочтительным для Тайваня – объединение или независимость? Предполагается, что поддержавший объединение с большей вероятностью считает себя китайцем.

Следует пояснить: ученые отмечают, что значение понятия «китайцы» не является постоянным, оно явно эволюционирует, становясь менее этническим и более политическим, отчасти потому, что Пекин стремился контролировать и монополизировать определение понятия «китайцы» в стране и за рубежом. В результате все больше респондентов считают, что «китайская» идентификация ассоциируется теперь с Китайской Народной Республикой. Жители Тайваня принадлежат преимущественно к ханьскому этносу, признают свои китайские корни, но это далеко не тождественно «общекитайской» идентичности.

Таким образом, вот уже на протяжении трех десятилетий после отмены военного положения параллельно демократизации в обществе идет процесс, который иногда рассматривается аналитиками как открытая борьба за тайваньскую идентичность.

Этнологи-китаеведы задаются вопросом, можно ли назвать «тайваньскую идентичность» «национальной идентичностью» или это всего лишь одна из региональных идентичностей, характерных как для Китая, так и для других стран мира, и в качестве которой «тайваньское самосознание» воспринимается правительством Китайской Народной Республики (КНР), отстаивающим

²⁰ В опросах политологического характера – «чжунгожэнь», 中国人 (гражданин или житель Китая без этнической окраски), этнографического – «хуажэнь», 华人 (китаец по этнической принадлежности и культуре).

принцип «одного Китая»²¹? И не являются ли тайваньцы примером «воображаемого сообщества»²², в лучшем случае – регионального, рамки которого ограничиваются территорией самого Тайваня и нескольких групп островов, находящихся под юрисдикцией КР?

Ряд тайваньских исследователей выдвигает предположение, что национальная идентичность может укрепляться только при создании демократических институтов²³. Этот вывод остается дискуссионным применительно к другим странам, но, возможно, имеет основания в случае с Тайванем, как показывают приводимые ниже результаты социологических опросов.

Самоидентификация тайваньцев в зеркале социологии

Центр электоральных исследований тайваньского университета Чжэнчжи ежегодно проводит обследования, направленные на выяснение политических взглядов тайваньцев, их отношения к национальной идентификации, независимости и объединению, партийных предпочтений. В июне 2019 года были проведены очередные опросы. Выяснилось, в частности, кем называют себя респонденты: тайваньцами (тайваньжэнь) или же китайцами (чжунго-

²¹ Каимова А.С. Проблемы интерпретации понятия «тайваньская идентичность» // Вестник МГУ. Серия 13 Востоковедение. 2013. № 2. С. 27-39. [Kaimova, A.S. Problemy interpretatsii ponyatiya «tayvan'skaya identichnost'» (Problems of Interpreting the Notion of «Taiwanese Identity») // *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie*, 2013, No. 2, pp. 27-39.]

²² Здесь имеется в виду понятие, введенное Б. Андерсоном, отметившим исключительную трудность адекватного определения основных терминов этнологии. Anderson, B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. L.; N.Y., 2006.

²³ Syaru, Shirley Lin. *Analyzing the Relationship between Identity and Democratization in Taiwan and Hong Kong in the Shadow of China / Special Forum Chinese University of Hong Kong*. December 20, 2018. Mode of access: <http://www.theasanforum.org/analyzing-the-relationship-between-identity-and-democratization-in-taiwan-and-hong-kong-in-the-shadow-of-china/>

жэнь). Вот что показали ответы на этот вопрос в сравнении с ответами, полученными в 2018 году²⁴.

На вопрос кем вы себя считаете – 58,5% опрошенных заявили, что они тайваньцы (на 4% больше, чем в 2018 г.) 34,7 % назвали одновременно и китайцами, и тайваньцами, что чуть меньше чем годом ранее (38,2%). Совсем небольшое число респондентов считают себя только китайцами (3,5% против 3,7% в 2018 г.). Затруднились с ответом около 3% опрошенных, что также чуть меньше, чем в 2018 г – 3,6%.

Интересно, что резкий рост тайваньской идентификации в последние три года начался после четырехлетнего периода медленного последовательного падения этого показателя от пиковых значений (60,6 %) в 2014 году, в разгар Движения подсолнухов, направленного против политики Гоминьдана. К 2020 году, судя по всему, тенденция не просто сохранилась, но резко усилилась. «Тайваньцев» социологи насчитывают уже 67%, «двойственно идентифицирующихся» – 27,5%, «китайцев» – 3%. Скорее всего, это можно трактовать как реакцию на менее «мирную» риторику о «воссоединении» со стороны КНР в последнее время, в частности, во время сессии ВСНП весной 2020 г.

Следующий важный вопрос – какова корреляция между тайваньской самоидентификацией и поддержкой политической независимости Тайваня. Подавляющее число опрошенных (более 86%), выбирая между «независимостью или объединением» давно и стабильно предпочитают статус-кво в тех или иных его формах, то есть политическая неопределенность пока что устраивает большинство населения. Это говорит, на наш взгляд, о том, что жители острова хорошо понимают опасность резких телодвижений на этом самом опасном минном поле.

²⁴ В пояснительном тексте к этим обследованиям (Russel, Hsiao. New Polling Data Reflect Deepening Taiwanese Identity // Global Taiwan Institute, 02/08/2019, Mode of access: <https://english.cw.com.tw/article/article.action?id=2502>) некоторые цифры по непонятной причине чуть отличаются от тех, что отражены на графике в источнике. Мы придерживаемся данных источника. (Mode of access: <https://esc.nccu.edu.tw/course/news.php?Sn=166>)

Но будет ли и как именно меняться ориентация большинства тайваньцев на статус-кво, если новое китайское руководство с самого начала «эпохи Си Цзиньпина» проявляет признаки нетерпения, заявляя, что «вопрос о разделенности нельзя вечно передавать из поколения в поколение»²⁵? Сепаратистский дискурс остается, судя по преобладанию настроений «статус-кво», в значительной степени в меньшинстве. Именно поэтому, по мнению Ж.-П. Кабестана, тайваньская идентичность и тайваньский национализм на данном этапе не являются синонимами поддержки независимости²⁶.

Вывод этот был сделан 15 лет назад, но принятие в КНР в марте 2005 г. Закона о противодействии расколу государства (反分裂国家法), статья 8 которого подтверждает угрозу применения силы²⁷, подстегнуло националистические настроения и привело, по некоторым оценкам, к пятикратному росту поддержки независимости. Этот новый закон главным образом способствовал укреплению тайваньского консенсуса как реакции на упорный отказ Китая признать разделение китайской нации на два отдельных государства и сохранение вплоть до нашего времени Китайской Республики, которая была основана в 1912 году на части национальной территории.

Каковы последние тенденции? Из опросов 2019 г. (в скобках – результаты 2018 г.) следует, что из тех, кто поддерживает статус-кво 30,6% (33,4%) предпочитают, чтобы дилемма «независимость или объединение» была как-то решена будущими поколениями. 26,9% (24%) не определили свое отношение. 19,9% (15,1%) предпочитают движение в сторону независимости, 8,7% (12,8%) – в сторону объединения при сохра-

²⁵ Речь Си Цзиньпина на Форуме АПЕС в Индонезии 6 октября 2013 г. Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/us-asia-apec-china-taiwan/chinas-xi-says-political-solution-for-taiwan-cant-wait-forever-idUSBRE99503Q20131006>

²⁶ Cabestan, Jean-Pierre. Specificities and Limits of Taiwanese Nationalism Mode of access: <https://doi.org/10.4000/chinaperspectives.286>

²⁷ Закон дает право властям применить «немирные средства и другие необходимые меры для защиты суверенитета и территориальной целостности Китая».

нении статус-кво. 6,3% (6,6%) предпочли не отвечать на этот вопрос. 5,8% (5%) опрошенных предпочли бы видеть Тайвань независимым как можно скорее и только 1,7% (3,1%) хотели бы видеть Китай единым как можно скорее.

Что касается партийных предпочтений опрошенных, то 42,5% (49,1%) называют себя независимыми, либо не считают нужным отвечать на этот вопрос. Любопытно, что «партийность» опрошенных выросла в количественном выражении в случае как с гоминьданом (27,6% в 2019 г. и 25,4% в 2018 г.), так и ДПП (24,5% против 20,1% в 2018 г.) Сторонниками Партии новой власти являются 4,7% (4,5%). Другие партии имеют менее 1% сторонников среди опрошенных²⁸.

* * *

Рассматривая показатели идентичности на более протяженном отрезке времени, можно отметить практически неуклонный рост самоидентификации населения острова в качестве «тайваньцев». Особенно наглядно эта тенденция предстает на графике, который фиксирует динамику показателя самоидентификации за все время ежегодных (за исключением 1993 г.) наблюдений: с 1992 по 2020 год²⁹.

Только в течение трех лет (до 1995 г.) число тех, кто называл себя «только китайцем» превышало число назвавшихся «тайваньцами». В этот период значительное большинство (свыше 45%) относили себя одновременно к китайцам и тайваньцам. Лишь около 20% в это время считали себя только «тайваньцами».

Ситуация начинает кардинально меняться с 1996 года, когда Ли Дэньхуй избирается президентом и начинает продвигать концепцию «Китайской Республики на

Тайване». Доля «тайваньцев» практически неуклонно растет, приближаясь к 40% и обретает новую динамику с 2000 года, когда к власти впервые приходит представитель ДПП. В этот период рост едва заметен и происходит стабилизация на уровне около 45% доли как «тайваньцев», так и «тайваньцев-китайцев».

Интересно, что с приходом к власти гоминьдановца Ма Инцзю в 2008 году эти кривые расходятся. Доля «тайваньцев» растет, а «тайваньцев-китайцев» падает примерно в той же пропорции. Доля же «однозначных» «китайцев» сходит почти на нет, равно как и тех, кто не отвечал на данный вопрос социологов. (с 10,5% до 4% к 2008 г.). Очевидно, что за это время как минимум половина «колеблющихся» определила свое отношение к данному вопросу. При этом есть основания утверждать, что позиции ведущих тайваньских партий по вопросу самоидентификации и независимости вполне определенно сближаются. Население острова одновременно консолидируется вокруг состояния статус-кво, сохраняя вместе с тем ориентацию на ту или иную политическую партию.

Период 2014-2018 на графике выделяется, в это время доля называющих себя «тайваньцами» неожиданно обрела нисходящий тренд. С чем это могло быть связано? Некоторые комментаторы полагали, что эту тенденцию закрепили выборы мэров городов 2018 года. ДПП на них победила лишь в 6 городах, тогда как гоминьдан – в 15-ти. ДПП проиграла даже в Гаосюне, где в течение 20 лет мэрами были ее сторонники.

Кроме того, в 2018 г. состоялся референдум, одним из пунктов которого было предложение о замене весьма неуклюжего названия «Китайский Тайбэй» на международных спортивных соревнованиях на «Тайвань». Отклонение этого предложения большинством в 55% голосов привело некоторых комментаторов к заключению, что и требования большей автономии от Китая в тайваньском обществе ослабевают вкупе с национальной самоидентификацией. Думается, такие заключения все же недооценивают общую долгосрочную тенденцию «тайванизации» Тайваня, что подтверждают данные рассмотренного выше лонгитюдно-

²⁸ Russel, Hsiao. New Polling Data Reflect Deepening Taiwanese Identity // Global Taiwan Institute, 02/08/2019, Mode of access: <https://english.cw.com.tw/article/article.action?id=2502>

²⁹ 臺灣民眾臺灣人/中國人認同趨勢分佈 (1992年06月~2020年06月) (Тенденции распределения самоидентификации населения Тайваня [по принципу] тайваньцы/китайцы). Mode of access: <https://esc.nccu.edu.tw/course/news.php?Sn=166>

го обследования, проводимого с целью выяснения электоральных предпочтений тайваньцев.

Выводы таковы: более 90% тайваньских граждан считают себя полностью или хотя бы частично тайваньцами³⁰. Укрепляется также представление о том, что Тайвань есть независимое государство, отдельное от Китая. Около 70% тайваньцев теперь считают Тайвань и Китай двумя отдельными государствами и только 20% рассматривают две стороны тайваньского пролива как части единого государства. Коротко говоря, на Тайване доминирует идентификация, в центре которой Тайвань, а не Китай.

* * *

В июле 2019 года были опубликованы результаты еще одного любопытного обследования, которое проводилось спонсируемым правительством Фондом поддержки национальной демократии *Taiwan Foundation for Democracy (TFD)*. Жителей острова опрашивали на предмет их желания сопротивляться китайскому вторжению с континента. 57,4 % ответили, что в случае атаки со стороны Китая в ответ на провозглашение независимости готовы к участию в боевых действиях по обороне Тайваня. Это на 2,4% больше, чем в 2018 г. Тех же, кто не рассчитывает активно сопротивляться – 31%, что меньше чем в 2018 г (35,9%).

Более подробные результаты опроса 2018 года относительно готовности тайваньской молодежи воевать были опубликованы на семинаре в тайваньском Институте глобальных проблем. Два вопроса на одну и ту же тему были сформулированы с разными акцентами. Первый звучал так: «Пойдете ли вы воевать за Тайвань, если континентальный Китай применит силу для воссоединения?» Более 70% респондентов моложе 39 лет ответили на этот прямой вопрос утвердительно, и только 26,5% – отрицательно.

³⁰ По другим данным, мнение о том, что Тайвань и Китай – это одно государство, в 2010 г. разделяли более 30%, в 2017 г. – чуть более 20% жителей острова. См.: Wang, T.Y. Declining Taiwanese Identity? Mode of access: <https://theasiadialogue.com/2019/02/08/declining-taiwanese-identity/>

Для людей старше 40 лет пропорция немного иная: 66,1 % на 24,9%.

Интересны ответы на аналогичный вопрос, подразумевающий что противостояние инициирует не КНР, а Тайвань. Он звучит так: «Пойдете ли вы воевать за Тайвань, если тот формально провозгласит независимость, что приведет к применению континентальным Китаем силы против Тайваня». Результаты были в принципе сходными, но ожидаемо чуть более скромными. Утвердительно ответили 63,4% и только 32,6% – отрицательно. У респондентов старшей возрастной группы пропорция более ровная – 49,9% на 39,2%³¹.

Результаты еще одного опроса показывают, что две трети граждан Тайваня поддерживают независимость Тайваня, если военного конфликта удастся избежать, но тех, кто предпочтет этот вариант, будучи уверенным в резкой реакции Пекина, гораздо меньше, чуть более 30%. Эта более или менее стабильная примерно с 2005 года пропорция между теми, кто осознает разницу между независимостью, достигнутую военным, либо мирным путем», говорит, по мнению обозревателя, о коллективной рациональности тайваньцев³².

Из вышеприведенных данных можно сделать вывод о том, что уверенность Пекина и некоторое беспокойство Вашингтона о том, что тайваньцы не пойдут воевать за свою страну, не имеют под собой достаточных оснований. Большинство тайваньцев собираются дать в том или ином виде отпор агрессии с континента. Китай наращивает кампанию в пользу «воссоединения», но параллельно растет и склонность тайваньцев сопротивляться такому развитию событий³³.

В более узких и специализированных исследованиях делается попытка объяснить

³¹ Russel, Hsiao. New Polling Data Reflect Deepening Taiwanese Identity. Mode of access: <https://english.cw.com.tw/article/article.action?id=2502>

³² Wang, T.Y. Declining Taiwanese Identity? Mode of access: <https://theasiadialogue.com/2019/02/08/declining-taiwanese-identity/>

³³ Russel, Hsiao. New Polling Data Reflect Deepening Taiwanese Identity. Mode of access: <https://english.cw.com.tw/article/article.action?id=2502>

мотивацию к той или иной идентификации в разных поколениях. Предполагается, в частности, что молодежь с большей вероятностью склонна идентифицировать себя как тайваньцы вследствие ее большей политизированности и неприятия воссоединения с Китаем, в то время как пожилые люди склонны считать себя тайваньцами благодаря этническим связям и историческим воспоминаниям. Межпоколенные различия внутри тайваньской идентичности не только объясняют, почему эта идентичность стала более востребована в обществе, но и показывают, как формируется новая тайваньская нация³⁴.

Программа изучения азиатской безопасности Университета Дьюка отслеживает самоидентификацию жителей острова по пяти возрастным группам с 2002 года. Опрос 2017 года показал, что самая молодая когорта, в возрасте менее 30 лет, имела самый высокий процент респондентов, идентифицирующих себя только как «тайваньцы» (71,2%). В этой когорте также самая низкая доля тех, кто считает себя только «китайцами» (2,5%).

Тайваньский фонд «За демократию» также отслеживает политические взгляды по возрастным группам с 2011 года. Опрос 2018 года показывает, что самое молодое поколение имело самый высокий уровень поддержки независимости и самый низкий уровень поддержки немедленного или окончательного объединения. Не менее важно и то, что тайваньцы в возрасте до 40 лет гораздо более оптимистично настроены в отношении демократического развития Тайваня, чем старшее поколение. Опросы показывают, что, обладая относительно более выраженным чувством идентичности, молодые тайваньцы вместе с тем вполне прагматичны и поддерживают расширение экономических отношений с КНР³⁵.

³⁴ Lee, K.-C.; Yang W.-Y. Old Taiwanese vs. New Taiwanese: Exploring the Generational Difference of Taiwanese Identity. Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/318586117_Old_Taiwanese_vs_New_Taiwanese_Exploring_the_Generational_Difference_of_Taiwanese_Identity

³⁵ Russel, Hsiao. New Polling Data Reflect Deepening Taiwanese Identity. Mode of access: <https://english.cw.com.tw/article/article.action?id=2502>

Пандемия и другие новейшие тенденции

Согласно новейшим опросам тайваньского Фонда общественного мнения, уже 54% респондентов выступают за скорейшее объявление независимости от Китая, лишь 23,4% поддерживают статус-кво, 12,5% приветствуют скорейшее объединение с Китаем. Более углубленный анализ мнений тех, кто поддерживает статус-кво, позволяет утверждать, что более 64% респондентов – сторонники независимости (которое, по их мнению надлежит провозгласить прямо сейчас или позже), тогда как только 18% поддерживают объединение, как пишет Джеймс Холмс в статье в журнале «Нэшнл интерест», опубликованной 5 июля 2020 г.³⁶

За последние 30 лет это самый высокий уровень поддержки курса на независимость. Изменения весьма резкие, если не сказать, пугающие. Напугать они могут не только наблюдателей и пекинское руководство, но и миролюбиво настроенных островитян. Ведь положение статус-кво объединяло подавляющее большинство жителей Тайваня, как правило, менее 10% избирателей проявляли «радикальные настроения», то есть выступали за немедленную независимость или немедленное объединение. 80% же вполне устраивало состояние, при котором решение вопроса откладывалось на неопределенный срок.

Каковы причины такого внезапного всплеска настроений в пользу независимости? «Всплеск» в социологическом плане подразумевает, что кривая, отражающая настроение тайваньцев, должна раньше или позже. пойти вниз. Поэтому одно из объяснений такого резкого изменения в общественных настроениях – пандемия коронавируса, с которой Тайвань справился сравнительно быстро и эффективно, чему в немалой степени способствовал географический фактор – островное положение Тайваня. Логика сторонников такого объяснения такова: респонденты, опрошенные в текущем году, бо-

³⁶ Holmes, James. China and Taiwan Could Be Headed Towards a Showdown. What Should America Do? July 5, 2020. Mode of access: <https://nationalinterest.org/feature/china-and-taiwan-could-be-headed-towards-showdown-what-should-america-do-164164>

лее решительно выступают за фактический суверенитет острова как гарантию того, что тайваньские власти смогут и в дальнейшем эффективно контролировать границы и противостоять трансграничной инфекции.

Другие аналитики такое объяснение изменений настроения тайваньцев считают недостаточным, при всей важности и очевидности фактора пандемии. Предполагается, что определяющим фактором современного состояния общественного мнения на Тайване являются внешне- и внутривнутриполитические демарши Пекина последнего времени (включая участвовавшие маневры авиации и флота вокруг Тайваня и принятие закона о безопасности Гонконга).

В результате радикальные западные и тайваньские эксперты считают смертельной угрозой политическому строю Тайваня отнюдь не пандемию, а действия КНР. К такому выводу их подвигают, разумеется, события в Гонконге, за которыми внимательно следят на Тайване, не без основания полагая, что сегодняшняя участь Гонконга завтра будет уготована Тайваню, если он воспримет концепцию «одна страна, две системы», которая была положена в основу соглашения с Гонконгом при присоединении этой территории к Китаю.

Поэтому зафиксированные в 2020 году изменения в настроениях тайваньцев вполне могут оказаться не временным всплеском в условиях всемирного форс-мажора, а тектоническим сдвигом, кардинально меняющим ландшафт общественного мнения. Этот вывод можно будет верифицировать, когда пандемия в мире сойдет на нет.

Заключение

Вопреки формальной непризнанности Тайваня как отдельного государства, тайваньцы все в большей степени демонстрируют признаки отдельной нации, имеющей связи различной степени плотности с другими частями общекитайской нации, особенно на континенте (в КНР).

На протяжении последних лет в Китае параллельно развиваются два процесса: тяготение к объединению китайской нации и созданию единого китайского государства,

которое является унитарным и с точки зрения политического строя несет все больше авторитарных черт. Таковым государством является нынешняя КНР, не допускающая мыслей о федерации и тем более самоопределении какой-либо из его частей. С другой стороны, процесс обретения национальной идентичности продолжается в некоторых частях территории Китая (Тибет, Синьцзян, Гонконг), где нарастает стремление к автономии или даже независимости, понимаемое в другом политическом дискурсе как сепаратизм.

Общекитайская идентичность, которую предлагает Пекин как основу для объединения, удовлетворяет все меньшую часть населения острова и ее сохранение представляется там маловероятной. Более вероятно длительное сохранение смешанной идентичности («я признаю себя одновременно тайванцем и китайцем»).

Можно ли заключить, как это делают некоторые эксперты на основании последних опросов, что тайваньцы «понимают независимость как панацею не только от заразных болезней, но и от возможной агрессии КНР?»³⁷. Думается, что нет. Скорее всего, сторонники независимости в большинстве своем просто не считают угрозой большой китайско-тайваньской войны реальной, а политическая элита продолжает рассчитывать на «американский зонтик». В любом случае, следует согласиться с тем, что тайваньский национализм все еще находится в процессе становления, а идентичность тайваньской нации еще не вошла в сознание всех тайваньцев³⁸.

³⁷ Green, Michael; Medeiros, Evan. Is Taiwan the Next Hong Kong? China Tests the Limits of Impunity Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/east-asia/2020-07-08/taiwan-next-hong-kong>

³⁸ Москалев А.А. Нация и национализм в Китае: эволюция кит. мысли в подходах к нации и национализму. М.: Памятники ист. мысли, 2005. [Moskalev, A.A. Natsiya i natsionalizm v Kitaye: evolyutsiya kit. mysli v podkhodakh k natsii i natsionalizmu (Nation and Nationalism in China: the Evolution of the Chinese Thought in Approaches to Nation and Nationalism). Moscow: Pamiatniki ist. mysli, 2005.]

Литература:

Барышников В.Н. Роль группировки Ляо Вэнь-и в агрессивных планах США на Тайване // Краткие сообщения ИНАЗ. 1963. № 56. С. 119-129.

Каимова А.С. Проблемы интерпретации понятия «тайваньская идентичность» // Вестник МГУ. Серия 13 Востоковедение. 2013. № 2. С. 27-39.

Кузнецов А.М. Этнонациональная политика и современные проблемы нациестроительства в Китае. Владивосток, 2010.

Ли Дэньхуэй. Позиция Тайваня. М., МГУ, 2000.

Москалев А.А. Нация и национализм в Китае: эволюция кит. мысли в подходах к нации и национализму. М.: Памятники ист. мысли, 2005.

Brown, M. Is Taiwan Chinese? The Impact of Culture? Power and Migration of Changing Identities. California University, 2004.

Fleischauer, Stefan. Taiwan's Independence Movement. in: Gunter Schubert (ed.), Routledge Handbook of Contemporary Taiwan. Abingdon, Oxon & New York, Routledge. 2016.

Kedourie, Elie. Nationalism, 4th ed. Oxford and Cambridge, Mass.: Basil Blackwell, 1993.

Liu, Fu-kuo. Ma Ying-jeou's Rapprochement Policy: Cross-Strait Progress and Domestic Constraint / in Jean-Pierre Cabestan and Jacques deLisle (eds), Political Changes in Taiwan under Ma Ying-jeou: Partisan Conflict, Policy Choices, External Constraints and Security Challenges. Abingdon: Routledge, 2014. Pp. 139-155.

Russel, Hsiao. New Polling Data Reflect Deepening Taiwanese Identity // *Global Taiwan Institute*, 02/08/2019. Mode of access: <https://english.cw.com.tw/article/article.action?id=2502>

Shirley, A. Kan. China/Taiwan: Evolution of the "One China" Policy – Key Statements from Washington, Beijing, and Taipei. Congressional Research Service 7-5700, October 10, 2014. P. 49.

Syaru, Shirley Lin. Analyzing the Relationship between Identity and Democratization in Taiwan and Hong Kong in the Shadow of China / Special Forum Chinese University of Hong Kong. December 20, 2018. Mode of access:

Wu, Yu-shan. The Evolution of the KMT's Stance on the One-China Principle: National Identity in Flux. In Gunter Schubert, Jens Damm (eds) Taiwanese Identity in the Twenty-first Century: Domestic, Regional and Global Perspectives. London: Routledge, 2011.

References:

Baryshnikov, V.N. The role of Liao Wen-yi's Group in the US Aggressive Plans in Taiwan // *Kratkie soobshcheniia INAZ*, 1963, No. 56, pp. 119-129.

Brown, M. Is Taiwan Chinese? The Impact of Culture? Power and Migration of Changing Identities. California University, 2004.

Fleischauer, Stefan. Taiwan's Independence Movement. in: Gunter Schubert (ed.), Routledge Handbook of Contemporary Taiwan. Abingdon, Oxon & New York, Routledge. 2016.

Kaimova, A.S. Problemy interpretatsii ponyatiya «tayvan'skaya identichnost'» (Problems of Interpreting the Notion of "Taiwanese Identity") // *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie*, 2013, No. 2, pp. 27-39.

Kedourie, Elie. Nationalism, 4th ed. Oxford and Cambridge, Mass.: Basil Blackwell, 1993.

Kuznetsov, A.M. Ethno-national policy and modern problems of nation-building in China. Vladivostok: Izd-vo DVGU. 2010.

Lee, Teng-Hui. Taiwan's Viewpoint. Moscow: MGU, 2000.

Liu, Fu-kuo. Ma Ying-jeou's Rapprochement Policy: Cross-Strait Progress and Domestic Constraint / in Jean-Pierre Cabestan and Jacques deLisle (eds), Political Changes in Taiwan under Ma Ying-jeou: Partisan Conflict, Policy Choices, External Constraints and Security Challenges. Abingdon: Routledge, 2014. Pp. 139-155.

Moskalev, A.A. Natsiya i natsionalizm v Kitaye: evolyutsiya kit. mysli v podkhodakh k natsii i natsionalizmu (Nation and Nationalism in China: the Evolution of the Chinese Thought in Approaches to Nation and Nationalism). Moscow: Pamiatniki ist. mysli, 2005.

Russel, Hsiao. New Polling Data Reflect Deepening Taiwanese Identity // *Global Taiwan Institute*, 02/08/2019. Mode of access: <https://english.cw.com.tw/article/article.action?id=2502>

Shirley, A. Kan. China/Taiwan: Evolution of the "One China" Policy – Key Statements from Washington, Beijing, and Taipei. Congressional Research Service 7-5700, October 10, 2014. P. 49.

Syaru, Shirley Lin. Analyzing the Relationship between Identity and Democratization in Taiwan and Hong Kong in the Shadow of China / Special Forum Chinese University of Hong Kong. December 20, 2018. Mode of access:

Wu, Yu-shan. The Evolution of the KMT's Stance on the One-China Principle: National Identity in Flux. In Gunter Schubert, Jens Damm (eds) Taiwanese Identity in the Twenty-first Century: Domestic, Regional and Global Perspectives. London: Routledge, 2011.

“TAIWAN NATION”: FROM MYTH TO REALITY?

Andrey D. Dikarev

*MGIMO University,
Moscow, Russia*

Alexander V. Lukin

*National Research University Higher School of Economics,
MGIMO University,
Moscow, Russia*

<p>Article history: <i>Received:</i> 13.09.2020 <i>Accepted:</i> 05.10.2020</p>	<p>Abstract: The article studies the theoretical and practical aspects of the development of Taiwan’s residents’ national identity. The analysis is based on the results of recent opinion polls which studied the trends in identity change of the Taiwanese people, their preferences and views on relations with mainland China. An attempt was made to establish a correlation between the changing identity, the wish of the majority of the population to maintain the status quo in relations with the PRC and the level of support of the political independence of Taiwan. The article shows that the share of those in Taiwan who identify as “Taiwanese” has been increasing over the last decades. At the same time, the belief that Taiwan is an independent state has also been strengthening. The authors analyse the internal and external factors that influenced the dynamics of identity change and the attitudes towards the problems of the status of Taiwan on the island over the last two years.</p> <p><i>Acknowledgements:</i> The article was prepared with the support of the RFBR grant 20-514-07003 «Problems of the development of Russian-South Ossetian relations and integration initiatives in the conditions of economic and diplomatic restrictions»</p>
<p>About the authors: <i>Andrey D. Dikarev</i>, Candidate of History, Leading Researcher, Center for East Asian and SCO Studies, MGIMO University e-mail: andreydikarev@yahoo.com <i>Alexander V. Lukin</i>, Doctor of History, Head of the Department of International Relations, National Research University Higher School of Economics; Director, Center for East Asian and SCO Studies, MGIMO University e-mail: avlukin@hse.ru</p>	
<p>Key words: political status of Taiwan; nation state; PRC; Taiwanese identity; opinion polls; separatism; status quo; Covid 19 pandemic</p>	

Для цитирования: Дикарев А.Д., Лукин А.В. «Тайваньская нация»: от мифа к реальности? // *Сравнительная политика*. – 2021. – № 1. – С. 118-133.
DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10009

For citation: Dikarev, Andrey D.; Lukin, Alexander V. «Tayvan’skaya natsiya»: ot mifa k real’nosti? (“Taiwan Nation”: From Myth to Reality?) // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 1, pp. 118-133.
DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10009